

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 25

1989

Петр ВЕГИН

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

РАНЕНАЯ РОЗА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 25

Издается с января 1925 года

Петр ВЕГИН

РАНЕНАЯ РОЗА

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Петр ВЕГИН

Петр Вегин родился в городе Ростове-на-Дону 21 июля 1939 года. Поэт, член Союза писателей СССР. Печатается с 1960 года. Автор поэтических книг «Притяжение» (1964), «Винтовая лестница» (1968), «Переплыви Лету» (1973), «Лёт лебединый» (1974), «Зимняя почта» (1977), «Над Крышами» (1979), «Созвездие Отца и Матери» (1981), «Вальс деревенской луны» (1983), «Серебро» (1984), «Избранное» (1986), «Мастерская» (1989).

Стихи Петра Вегина переведены на многие языки, выходили за рубежом отдельными книгами.

Переводил стихи современных европейских и американских поэтов, а также стихи поэтов Армении, Латвии, Украины, Литвы.

* * *

Человечество в очереди топчется
за газетами,
 хлебом,
 зарплатой...
Пропустите Россию без очереди
за правдой!

1987

* * *

Свобода пришла, но ее
в лицо не узнали
и все продолжали свое —
мечтали, дурели, дерзали...

Свобода совсем не колосс —
в толпе незаметная,
обиженная до слез
дитя пятилетнее.

Ее надо на руки взять.
Не мешкайте, не робейте —
вы ждали Свободу.

Но ждать
она не умеет, как дети.

Идите с ней — в жизнь и в жилье,
и в сердце прибавится солнца.
Не удочеряйте ее,

но с ней обретите отцовство!
Свободу легко обрести
и самое верное средство —
растить ее и довести
от детства — до совершенства.

1987

* * *

Я отвечаю за безымянную эту церквушку
неумолимо сползающую в овраг.
Я отвечаю за эту старушку,
по ледяному асфальту
боящуюся сделать шаг.

За каждую вырванную, помятую
страницу истории родной,
я, рожденный в тридцать девятом,
отвечаю за тридцать седьмой.

За то, чтоб не повторился,
чтоб не вернулись
его кровавые поводыри,
чтобы выпрямленные не согнулись,
я отвечаю.

И ты.
Повтори!

1987

ШОФЕРСКИЙ БОГ

У одних — в дубленках,
у других — в бикини,
к стеклам приникли шоферские богини,
шоферские вены,
чтоб не сдавали нервы
на самых страшных виражах.
При женщине всегда скрываешь страх.

Славно ехать автостопом,
на шоссе голосовать
и с шофером разговором
вместе время коротать.

Но все чаще и заметней
на лихих грузовиках
бог шоферский —
вождь отпетый
в отзвевших позументах,
в окровавленных усах.

Кто тебе неверный азимут,
мой товарищ, указал?
Что тебе о нем рассказывали —
как он цены понижал?

Спору нет. Но чем щедрее
понижал он бумазею,
тем страшней, страшней, страшней
обесценивал людей!

И страна передовая
страшной шуткой развлеклась,
что мы жили, как в трамвае:
полстраны сидит, вторая
половина — что? — тряслась!

Оттого и возникает,
что твоя машина катит
с полной скоростью назад.
И глаза бывшего бога
на широкую дорогу
подозрительно глядят.

Я к тебе, дружок, не сяду —
завезешь вдруг по кривой
хорошо, коль в сорок пятый,
ну а вдруг — в тридцать седьмой?..

1981

«ОН»

Я никогда не увижу
Красные ворота,
сколько столицу
шагами не меряю,
но зато моя дочь свободна
от страха стать
сексуальной добычей
Лаврентия Берии.
Этот палач лубянский,
исчадие ада,
иногда по улице Горького
ехал медленно,
из машины на женщин поглядывая.
Его лакомством были восемнадцатилетние.
Он выбирал пристально —
как в ювелирном отделе —
и молча указывал на избранную
своим вертухаям.
Многие уступали —
куда деваться? —
а красавицы, что не хотели,
становились украшением
Колымского края.
У дочерей и внучек «врагов народа»
этот кровопийца
вымогал любовь.
Говорят, он раздевался в потемках —
чтоб не увидели ненароком
несмываемую, его пропитавшую кровь.
Горемычные, безответные наложницы...
Рушились женские души,
как взорванный храм...
Одна художница
пыталась пырнуть его
маникюрными ножницами,
но здесь же, в постели,
получила девять грамм.
А когда от его страшного семени
в недрах женщины
зарождалась новая,
ни в чем не повинная жизнь,

он отпускал их —
 давал квартиры,
 инкогнито обеспечивал,
посылал любимицам шубы из лис.
И рождались
 одни только мальчики —
 факт невероятный!
А мальчики все наследуют
от матери — это закон.
Вероятно, Бог позаботился,
 чтоб ни одной матери
не бросили в спину презрительно:
«Это вылитый — он!»

1987

ЗАПОЛЯРНЫЕ КЛАДБИЩА

Крест за крестом,
 крест за крестом —
не сосчитать упрямому.
Как будто вышивка крестом
по снегу домотканому

Уткнись в треух, сожми кулак.
У Слова — сила мстителя.
За что вы так,
 зачем вы так
людей и снег обидели?

Мы не заплачем, мы пойдем
январскую извосточкой...
А где не вышито крестом,
там вышито все
 звездочкой...

1974

* * *

Предстоит командировка,
рокировка, сортировка,
может, и бомбардировка
с артобстрелом предстоит.

От Батайска до Багдада
президента и завсклада,
как тринадцатая зарплата,
ожидание томит.
Предстоит поимка вора,
оглашение приговора,
Время в роли прокурора
рассекречивает ложь.
Тары-бары, тары-бары,
этим — лавры, этим — нары.
Перерезав полотары
наконец сломался нож.
Дорогие мои детки,
наши пламенные предки,
что в кровавые рулетки
проиграли — нынче вспять
без учета девальвации
проигрыш вернуть пытаются
в счете пальцы загибаются,
а их надо разгибать.
С горем — все мы однолетки.
Счастье — крошки да объедки.
В нашей сказочке о репке
дедка бабку посадил.
Предстоит перестановка,
перекройка, перековка...
Внучка в клетчатой обновке,
дай Бог крепких тебе сил!
Родина моя, гордячка,
как назвать твою болячку?
Обалдев, как после спячки
неуверенно идешь.
Время пахнет новой драчкой,
а народ из нетерпячки
переходит в нетерпеж.
И с гармошкой под березкой
горланит шалопут,
что таблетки от поноса
при ангине не спасут...

МАРТ

Сосулек март не бьет,
но не зима уже.
Подобен ледоход
керамике Леже.

Откуда столько льда —
за век или за год?
Усталая вода
его едва несет.

И словно этот лед,
расколотый уже —
молчанья страшный гнет,
лежавший на душе.

Ты в платье молодым,
в улыбке весел рот.
Мы были подо льдом,
мы раскололи лед!

Очистится вода,
усилится трудом.
Но кто-то навсегда
остался подо льдом.

Растаял снеговик,
и мир на этот миг
еще не чистовик,
уже не черновик...

1986

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

I. Самородок

Как мама точно назвала —
Владимиром.

Владейте миром не во власти, а в любви
и обучаясь той любви,
пускай ее копируют
магнитофоны или соловьи.

Как называли хорошо друзья —
Володею.

Звала на «ты» заглазно вся страна.
Не обоюдная любовь, а всенародная.
Россия — лучшая во всей земле жена.

А что за таинство она —
любовь народная?
Она такое, где ни в чем не врут,
где непохмельные могильщики холодные
могилу вырыли,
а денег не берут

Двужильная любовь...
Двойная тяга...
Ваганьковский народный мавзолей,
где девочка рябиновыми ягодами
выкладывает имя на земле.

Как хорошо лежать в объятьях Родины!
Она не в силах руки развести,
поняв, что здесь лежит
бесценный самородок,
который никогда ей в жизни не найти...

1980

2. Сон о кентавре

В те дни он снился всей стране
Когда бы жили на Луне,
он снился бы тогда и лунным людям.
Сон о Владимире на всех
свалился, словно черный снег.
Забыть пытаемся, да не забудем.

Мне снился конь с его лицом.
С семиголосым бубенцом,
на яблоню похож от белых яблок.
Ямщик свистал, хлестал кнутом,

ямщик не знал, что конь — с лицом.
Была дорога вся в колдобинах и ямах.

Жизнь равнозначна ямщику.
И конь упал на всем скаку —
как яблоню под корень подрубили.
И кто любил его — тот взвыл,
а тот, кто раньше не любил,
за то, что умер — тоже полюбили...

1980

3. После перелома.

Я знал его, когда еще он не был памятником.
Была тогда помолодевшая Москва
как земляничины,

рукою мальчика
/иль маятника/

вдруг высыпанные из туеска.

Он пел про нас.

Его гитару свистнули,
когда он плыл во гробе над Москвой.
Наверно, вор считал — нельзя, чтоб тризна
была сильнее жизни

и немислимо
молчанье для гитары гулевой.
Все мыслимо.

И с хохмами капустника
трагедию толпа соединит.
И гипсовыми копиями бюстика
торгует у Таганки троглодит.
Как жаден ты, наш век свободомыслия!
И буревестник ты, и бурелом,
и бюст из гипса —

словно Время в гипсе,
чтобы срастался страшный перелом...

1987

ДЕТИ И РОЗЫ

Что делают розы во время войны?

Растут.

Заброшенные,
мало похожие на розы.
Что делают дети?
Неухоженные, растут,
несмотря на смертельный остуд,
и в глазах у детей и роз
одинаковы слезы.
Я не знал, что такое розы.
Раньше
я увидел солдатские раны.
Да простят мне розы Хаяма,
что позже,
мучая огрызок карандашный,
я рисовал розу —
а получалась рана...
О том, как мы росли,
будут написаны
километры стихов и прозы,
и Коля Губенко снимет
киноленту «Подранки».
Лежала страна —
огромная,
окровавленная,
солдатская роза
И до сих пор это
невозможно вместить
ни в какие рамки.
Одноколесная История
никак не могла догнать колеса
Красной Армии, идущей на запад.
Знаете,
чем
пахнут
розы?
Розы пахнут Свободой —
мне знаком этот запах.
В разминированных руинах
скрипела уцелевшая дверь.
Быть пятиконечными
в небе хотели
все звезды.
И время было похоже —
как я понимаю теперь —
на раненую розу...

ЗВЕЗДОЧКИ

По деревне пойдешь —
на всех избах звездочки,
а в окошках матери — светлее лампад.
Что не возвращаются сыновья да дочечки?
Очи проглядели —
душами глядят.

Пол-Европы обойди —
большаки да тропочки —
что за небывалый здесь был звездопад?
Обелиски подняли горячие звездочки,
а под ними косточки
бессмертных солдат...

Сколько тебе лет,
маленькая звездочка?
Как тебя по имени, тихая звезда?
Это где видано —
изба пуста, как гнездышко?..
Это где слыхано —
мать — сирота?..

По России пойдешь —
звездочки, звездочки...
Легче идти по Млечному Пути.
Больше звезд не надо,
хватит с нас, господи,
места нет свободного на груди...

1983

БАССЕЙН «МОСКВА»

Серебряный сторож музея изящных искусств,
присев под роденовской бронзой, признался:
«Вот я атеист, но как скинемся с нашим пожарным
и с экскурсоводом по средним векам,
как хватим на брата по полтора ста,
так мне всякий раз мерещится сквозь туман
тот взорванный храм...»
А над бассейном «Москва» клубился туман —

как синтетический мех
вывернутой наизнанку перчатки,
как вечный след взрыва,
и все это было похоже
на неосязаемый иней, застывший в форме куполов
взорванного в 1931 году
храма Спасителя...
Белый слепок храма,
его посмертная маска
из невесомого гипса
прикипела к бассейну.
В идеально-хлорированной воде
плескались мои соседи по жизни — как прихожане
туманного отраженья собора. А вдруг
бассейн вырыт в форме его опрокинутого отражения
и аквалангисты замещают ангелов? — и с этою
парадоксальною мыслью
нырнул я, нарушив «правила поведения в бассейне»
и глаза отворил, но
только калейдоскоп купальников —
движущийся витраж —
мерцал над моей головой.
«В России немало красот, но было бы лучше,
когда бы одной было больше...»
Но все это, в общем, не страшно —
и что вечным следом от взрыва туман над
воронкой бассейна,
и то, что мерещится сторожу после портвейна,
поскольку понятия красоты
меняются неумолимо,
а польза бассейна
в сравнении с пользою храма —
как между курением трубки
и курением фимиама.
В России, бросая курить,
начинают, естественно,
с фимиама.

1972

ОТЦОВСТВО

Усыновите журавля,
удочерите озеро.

Чиста, как девочка, земля.
Сумейте стать ее отцом.

Нельзя жить вечно в облаках.
Поймем, узнав судьбу в лицо:
нельзя всю жизнь быть в сыновьях,
когда-то надо быть отцом!

Защиты ищут дерева
от надругательств и обид...
Да сбудутся твои права,
отцовство-щит!

А над вечернею водой
как памятник живой, стоят
березы, полнясь красотой
в неволю угнанных девчат...

Крепки, как сыновья, холмы.
Ход времени необратим:
не нас земля растит, а мы
за веком век ее растим.

Да посетит отцовство вас,
чтоб в полной мере наконец
открылась корневая связь
в словах
«отечество», «отец»...

1983

* * *

От дочери светло, как от свечи.
Еще мала, как елочная свечка,
но свет ее

позволил различить
таинственные лики человечества.

Прожектора, лучина иль звезда
не светят так, как этот безупречный
свет дочери —
жизнь без нее пуста,

как без свечи серебряный подсвечник.

В стремленье к будущему подобрать ключи
что я сумел?

Одно, по высшей мерке,—
мир стал светлей

на свет одной свечи.

Все остальное требует проверки...

1984

ГЛАВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ХЛЕБНИКОВА

Требуйте от поэта,

что невозможно от требника!

Будущего времени космический агент —
бесприютный на земле Велимир Хлебников
ставил главный свой эксперимент.

На степном полустанке,

где ни печки-лавочки,

от ледяного ветра индевела полынь,

замерзала женщина,

и Хлебников из наволочки

доставал рукописи — превращал в теплынь.

Рукописи, в которых завтрашнего гены,

чудо Слова русского, которое Бог.

Обогрейте женщину,

если вы — гений.

подожгите рукописи у ее ног!

Отогрейте на снегу белую лебедку,

запалите рукописи, сметав в стог.

Если не спасет ее и ее ребенка,

то какое ж, к черту, ваше Слово — Бог?

Наволочка, в которой вместо подушки

набиты пламенные черновики,

вот что такое Поэзия.

Чтоб не мерзли души,

да будут огню наши строки легки!

Испытаем, братия, стихи наши без трусости.
Вечный огонь беспощаден и свят!
Хорошо горят гениальные рукописи.
Плохие рукописи не горят.

1982

ЛЕТ ЛЕБЕДИНЫЙ

Василию Аксенову

В дни листопада,
 в канун холодов
можно отшельничать, жить нелюдимо,
да оторвет вдруг от черновиков
лет лебединый,
 лет лебединый.
И выбегашь, пестун городской,
джинсы заляпав рыжею глиной,—
боже мой,
 что это сделал с тобой
лет лебединый,
 лет лебединый?
К небу — лицом,
 что ты им поверял
страстно, молитвенно и торопливо?
В волосы пряча лицо, не шептал
той, что при всех называешь любимой,
другу, бумаге...
 Ни с кем на земле
не был зажимистым иль половинным...
но что-то есть,
 что только тебе
молвить возможно,
 лет лебединый.
Лет лебединый,— посторонись,
все реактивное рядом нелепо!
Лет лебединый —
 буквами
 птиц
пишется биография неба.
Благословляя полет, испроси
благословения на поединок...

Если виновен —
 вину отпусти,
лет лебединый,
 лет лебединый.
В памяти долго будет белеть
стая серебряных пилигримов.
Разумом это не уразуметь:
необъяснимо —
 лет лебединый.
Вновь затворишься,
 забросишь дела,
и под мерцанье свечи стеариновой
вдруг ощутишь — обретают слова
лет лебединый,
 лет лебединый...

1973

ФОНАРИ ФЛОРЕНЦИИ

Да, у каждого города свои фонари!
Помню пражские...
Но во Флоренции
фонари — словно реплики в споре фокусника
и философа.

Только ночью, когда
фавориты и филантропы уснут,
только ночью,
взяв себе провожатым фонарь
с перекрестка улицы Смерти и улицы Солнца,
только ночью можно понять,
что Флоренция — это не город,
Флоренция — это трава,
но ни один кесарь
не смог стать ее косарем.

Вдоль по улице Мертвой,
 переулком Слепых,
через Улицу Красивых Женщин —
к статуе Справедливости.

Запах лип флорентийских. Фиеста.
За спиной карнавала
целоваться с фортуной —
 большеглазой, длинноволосой —
и знать,
что следующей ночью
она изменит с другим поэтом —
большеглазая, длинноволосая...

Смысл фортуны — измена. Свечение —
смысл фонарей.
Умоляю вас, флора и фауна, когда онемею,
дайте мне судьбу флорентийского фонаря,
освещающего перекресток улицы Ада
и улицы Чистилища.

Бродить Флоренцией — как по небу бродить.
При свете фонарей поймешь,
что камни,
 из которых сложена Флоренция,
много легче камней других городов,
и как спичечные коробки,
 привязанные к воздушным шарикам,
пепельные палаццо,
 привязанные к фонарям,
взлетают...

Где, как ни в жизни нам, Флоренция, взлетать?
Как звук скрипичный — взлет твой чист и легок.
Вот так у наших новогодних елок
в шарах слепящих — щедрый дар — взлетать.

Ну что же, кесари и косари
так крепко спят, что не понять, кто кесарь,
а кто косарь.

 А женщина-скрипачка
на Понте Веккио играет фонарям;

в тени стоит переодетый Данте,
я вижу только кисть его руки.
Флоренция. Фонарь. Фортуна. Фанты.
Смычок моста над скрипкою реки...

1968

Риму не спится,
Риму неможется,
Риму нейдет, и Колизей —
словно на полном ходу заторможенная
карусель!
Аппиевой дорогой, сбивая
тени рабов,
мчатся влюбленные в автомобилях.
Спит продавщица цветов,
как продавщица цветов в пятнадцатом веке —
не различишь: где цветы,
где цветочница
Связь между ними не перережут
рядом лежащие мокрые ножницы.
Кентавром,
расчлененным на коня и возницу,
под фонарями площади Испании — старинный фиакр.
Фиалками пахнет вода в фонтане Треви,
и в каждом,
кто в воду бросает монету,
я вижу желанье вернуться к античному, слиться,
стать кентавром —
как некогда конь и возница.
И сидя на остывающем капитолийском камне,
я понимаю Рим нынешний,
как гипсовую маску, снятую с запрокинутого лица
Рима бывшего.
Конь и возница. Цветы и цветочница.
Рим настоящего — в Риме теней.
Чем это кончится? Люди и ножницы.
Острые ножницы...
Возраст людей...

МЕТАМОРФОЗЫ БАХА

Бакалавр алтарных птах —
Иоганн Себастьян Бах

На органах — как на плотах,
Магелланом — во всех веках!

В душах властвует, как в погребках,
Иоганн Себастьян Вахх.

Нотной пашней прошел — двух
сочетал его тяжкий лик:
Иоганн Сам Себе Плуг,
Иоганн Сам Себе Бык!

Зреет хлеб, но не зрит. Слеп
Иоганн Себастьян Хлеб.

Но верней всего домский вздох —
Иоганн Себастьян Бог!

1975

* * *

«Лиля Юрьевна, добрый вечер!»
И в глаза мне ударил косо
возле сердца ее просвечивающий
Маяковский!

Это вроде рентгено снимка —
он просвечивал в ней, глубок.
Так по светлым стволам осинок
серебрится весенний сок.

Я читал стихи за столом,
но уста набухали вопросом:
«Вы не чувствуете, Лиля, себя письмом
с фотографией Маяковского?»

Лиля Брик — отправитель письма,
Лиля Брик — получатель письма.
То письмо летит ей вослед
сорок с лишним летейских лет.

Маяковский, зачем вы впаяны
в нас, в нее, в суматоху дня?
Маяковский, зачем вы — памятник?

«Лиля, люби меня...»

1974

ДВА АПЕЛЬСИНА

Иосифу Бродскому

Время бездумно.
Власть агрессивна.
Мама бессильна.

Что она может, если тотален обман?
Что он плохого сделал, Россия?
Вот и осталось — два апельсина,
два апельсина
сыну
в карман.

Что б нам ни выпало — лагерь, ангина,
матери веруют — апельсины
могут помочь чем-нибудь.
«Вот тебе, сына, два апельсина» —
так во младенчестве грудь.

Псину изгнания,
родную трясину,
Как плащаница, впитала судьба,
но эти мамы апельсины
столь же всеильные, как и бессильные,
выпрямить могут
горб у раба.

Мама, в раю у вас нет магазинов.
Райская мама, разлучный мой свет,
два сиротливых твоих апельсина
я принесу тебе
на тот свет...

1989

* * *

Во Владимире много не говорят.
Во Владимире —
деревянная печь,
железная церковь,
Золотые ворота.
И на яблонях —
яблоки молодильные.
Все, что мы проворонили, все воротим.
Помоги нам, Владимир,
раскаленная летопись!
Я верну, что три века назад
украла судьба-воровка,
я воздвигну любовь —
как великую крепость.
И да будет крепка она,
как твои Золотые ворота!
Жизнь мощная,
сколько же спотыкаться на ровном?
Снега хочется — настоящего,
а не инея в холодильнике...
Ох, как будет тепло,
как сгорят все дрова,
что в жизни наломаны,
в деревянной печи,
во Владимире,
любовь моя нерадивая...

1985

* * *

Болезнь светла и незнакома,
она зовется кратко — Ты.
Судьба, как девочка, украдкой
цветы обмакивает в кадку,
смущаясь взрослою догадкой —
что значат поздние цветы.

Врачи запутались в латыни,
не зная, как болезнь зовут.
Душа была вроде пустыни,

но рентгенологи застыли,
на снимок глядя, где густые
цветы безумные цветут.

Как наши розы опоздали!
Но жизнь без них была пуста.
Цветут — когда уже не ждали...
Мужчины в аэровокзале
глаз от тебя не отрывали,
как от цветущего куста.

Полуночная иль дневная,
когда ты говоришь, устам
подобье розы придавая,
то жаркий воздух прожигая,
за розой роза золотая
слетают с уст! Привет врачам!

Бессмертной этой нет болезни,
смертельной — тоже. В жизни нам
ходить случается по лезвиям
меча, луча или поэзии,
но чудо есть — без равновесия
идти по розам и шипам.

Мы двое, раненные розой,
клянемся слову и перу.
Но спрашивает жизни проза:
«Когда завянут ваши розы?»
И отвечаю я сквозь слезы:
«Когда-нибудь — когда умру...»

1984

ВЕНЕРА ДЖИНСОВАЯ

Не морская, а губы солоны.
Восхищаясь тобой, как гусар,
говорю:

«Ты — Венера Джинсовая,
мир такую еще не видал!»

То, чем в Древней Греции бредили,
до сих пор — как во лбу звезда...

Адресована нашему времени
доплата твоя красота.

Сигарету берешь, невеселая,
спички сыплются из коробка.
«Если я — Венера Джинсовая,
что ж так жизнь моя нелегка?»

Погоди еще обижаться,
погори еще на костре.
Еще будут тебе поклоняться,
словно в Лувре — твоей сестре,

от министра до футболиста
современный честной народ
на тебя

еще будет молиться,
когда руки тебе
отобьет...

1975

* * *

Окуни́ лицо в черемуху,
как в крутые облака, —

полегчает, как легчало,
когда женская рука —
пальцы с кольцами черненными —
утешала чудака...

Как она на помощь шла,
как собою губы жгла,
наклонялась над тобою,
черной не боясь молвы,
над горячей головою
непутевой головы!

Как лежала вся светла,
несравнима со звездою,
не была тебе женою,
но черемухой была...

1972

ТЕЛЕГРАММА

Чем дольше я тебя люблю
тем больше я тебя люблю

на крыльях

то есть на руках
несу тебя любя тревожно
и больше кажется нельзя
но больше все-таки возможно.

1977

ФОРМУЛА ВЕСНЫ

Ты шла, как формула Весны,
и все тебя решали
и, оборачиваясь,
выдыхали свой ответ.
Но даже если вместе взять
холсты, стихи, скрижали,
не вытанцовывается
ответ на белый свет.

Чему равны твои глаза,
чему равна улыбка?
Смешно, чтоб тайна рук и ног
была как дважды два!
Стал гением, кто допустил,
ища тебя, ошибку —
решив, что он решил тебя.
А тайна все жива.

Я знаю двух учеников,
приблизившихся к цели.
Их гениальные холсты —
как бы черновики
решений формулы Весны,
Волшебен Боттичелли,
он бы решил, да стал плести
антихристу венки.

А в Петрограде голодал
всемирно неизвестный
Филонов Павел — комиссар,
сменивший пистолет
на кисть. Он формулу Весны
решительно, но трезво
решил. Но чем точнее ответ,
тем сказочней секрет.

Флоренция и Петроград
хранят нам две шпаргалки.
Но я им предпочту тебя,
а формулу Весны
решить и будущей весной
не будет нереальным,
раз гениальнее любви
нет в мире новизны.

1980

СВЕТ

Уходя, оставлю свет
в комнатушке обветшалай,
невзирая на запрет
правил противопожарных.

У любви гарантий нет.
Чувство ведь — не корпорация.
Уходя, оставьте свет
в тех, с кем выпало расстаться.

Жаль, что неизбежна смерть.
Но возможна сатисфакция —
уходя, оставить свет.
Это больше, чем остаться!

1977

* * *

Нервы стали не те. Дурят.
Были годы, когда снегопад
приносил облегченье...

Богомольно рябины горят...
В старину был доступен яд...
Сердце дожило до всепрощенья.

Седина начинается не
на висках, а где-то во мне,
седина из меня прорастает,
как трава. Или это свет
из неназываемых недр
силы черные вытесняют?

Для чего мне с собой темнить,
ежели одиночества нить
стала крепче удавки?
Я не ангелами храним —
одиночеством верным своим.
Так-то, други мои и другарки.

Человек — это континет,
где всегда чего-нибудь нет:
то башлей, то любви, то свободы.
Одиночества же — через край,
хоть в тарелки его наливай,
хоть намазывай на бутерброды.

Жизнь тринадцатая моя,
расколуюсь пред тобой без вранья:
гол — как будто обглодан молью.
Я двенадцать жизней пахал,
понадеявшись (вот нахал!),
что тринадцатая будет любовью.

В черно зеркало я гляжу,
да не вижу себя. Ножу
тоже не отыскать — невидимка.
Человек-невидимкой был,
человек-нелюдимкой был.
Вот бы стать человек-невредимкой!

Вот в такую попал беду —
словно вывалили в меду,
а потом обвалили в перьях.
У, страшилище, как хорош —
ни взлетишь, ни себя не лизнешь.
И приходится жить на нервах.

Воду в ступе теперь толки.
Натянул я вас на колки,
ой вы, нервы мои, нервишки!
Подержитесь еще чуток.
Так бывает. Такой виток.
С елки жизни сыплются шишки...

1988

* * *

Большеглаза, светлолица,
жизнь — красавица, царица,
не прошу остановиться,
но прошу — не торопись
Как легко тебе летится
над селом и над столицей
ослепительной жар-птицей,
восхитительная жизнь!

Годы лепят наши лица.
Было — *veni, vidi, vici...*
Мы не жаждали синицы,
журавли сулили высь.
Но сквозь были-небылицы
на тебя нельзя озлиться,
можно только возмолиться:
жизнь, прошу, не торопись!

Ростовчане и рязанцы
с вечной жаждой ренессанса,
не сумели мы вписаться
в бытовые виражи:
то пошла семья ломаться,
то запарка с диссертацией,
то ботинок развязался...
Жизнь, родная, не спеши!

Пахнет чудом и стихами,
шмель целуется с цветами,
и хрустит под сапогами
беговой дорожки край.
Дай второе мне дыханье,
дай десятое дыханье...

Вдох — последнее желанье...
Жизнь, прошу, не обгоняй!

Жизнь — красавица, красотка,
жизнь — жар-птица, звездолет,
как быстра твоя походка,
как стремителен полет!
Твои бывшие мальчишки
устают тебе кричать:
«Дай секунду передышки,
хоть ботинок завязать!..»

1984

СОДЕРЖАНИЕ

«Человечество в очереди топчется...»	3
«Свобода пришла, но ее...»	3
«Я отвечаю...»	4
Шоферский бог	4
«Он»	6
Заполярные кладбища	7
«Предстоит командировка...»	7
Март	9
Памяти Владимира Высоцкого	9
Дети и розы	11
Звездочки	13
Бассейн «Москва»	13
Отцовство	14
«От дочери светло, как от свечи...»	15
Главный эксперимент Хлебникова	16
Лет лебединый	17
Фонари Флоренции	18
«Риму не спится...»	20
Метаморфозы Баха	20
«Лиля Юрьевна, добрый вечер!»	21
Два апельсина	22
«Во Владимире много не говорят...»	23
«Болезнь света и незнакома...»	23
Венера Джинсовая	24
«Окуни лицо в черемуху...»	25
Телеграмма	26
Формула Весны	26
Свет	27
«Нервы стали не те...»	27
«Большеглаза, светлолица...»	29

ВЕГИН Петр
РАНЕНАЯ РОЗА

Стихи

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 31.03.89. Подписано к печати 7.06.89. А 08865. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,48. Тираж 150 000 экз. Заказ № 435. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

«ТЕРНАВА-302»

Если Вы приобрели автомобиль «Жигули» и в нем нет радиоприемника, то советуем обратить внимание на автоприемник «Тернава-302». «Тернава-302» обеспечивает устойчивый прием радиопередач в диапазонах ДВ, СВ, УКВ. Имеет плавную настройку на станции, регулировку громкости и кнопочный переключатель диапазонов.

Цена — 120 руб.

ЦКРО «Радиотехника»